

В представлении Чэн Цзю Тан Син до сих пор оставался тем самым капризным, плаксивым мальчишкой, который когда-то не отлипал от него ни на шаг.

Осознание того, что этот изнеженный ребёнок вырос, вызвало у Чэн Цзю странное, противоречивое чувство. Словно кочан капусты, который он сам когда-то посадил на грядке, наконец созрел, налился соком и теперь так и просился на зуб.

Взгляд Чэн Цзю был слишком пристальным, почти обжигающим. Тан Син смутился под этим напором и, резко обернувшись, сердито зыркнул на него:

— Если не собираешься помогать, нечего стоять в дверях и глазеть! Раздражаешь!

Посмей кто-то другой заговорить с Чэн Цзю в подобном тоне — и этому наглецу несдобровать. И неважно, будь то Альфа или Омега. Но перед ним стоял Тан Син. Вместо злости он почувствовал лишь прилив нежности — этот колючий тон казался ему невероятно милым.

Улыбнувшись, он вошёл на кухню, неторопливо закатал рукава и остановился прямо за спиной юноши.

— И что же мне делать? — тихо спросил он.

Голос его звучал мягко, с вкрадчивой, почти ласковой усмешкой.

Тан Син на мгновение растерялся. Ему почудилось, будто в воздухе снова разлился едва уловимый, освежающе-прохладный аромат. Но мимолётное дуновение тут же растаяло, заставив юношу усомниться, не разыгралось ли его собственное воображение.

Он мотнул подбородком в сторону тарелки на краю стола:

— Подай вон то блюдо.

Чэн Цзю подался вперёд, чтобы взять посуду, и его свободная ладонь как бы невзначай легла на талию юноши, мягко её очерчивая.

— Эй! — Тан Син резко повернулся, испепеляя его взглядом. — Ещё раз распустишь руки — я всё брату расскажу!

— Ну надо же, какой грозный Сяо Син-эр, — Чэн Цзю опустил тарелку слева от него. В его голосе сквозила наигранная обида, сквозь которую, впрочем, легко читалось неприкрытое обожание. — Только тебе позволено так со мной разговаривать. Командуешь мной, да ещё и злишься. Эх.

От этих слов Тан Сину вдруг стало неловко. Хотя вообще-то жертвой здесь был именно он — ведь это к нему нагло ластились, — в груди почему-то шевельнулось невольное чувство вины. В конце концов, Чэн Цзю тоже вырос в любви и заботе. Если сам Тан Син никогда не знал дома отказов, то Чэн Цзю и подавно не привык к ним. Да и за пределами семейного гнезда Девятый господин вряд ли сталкивался с грубостью. Его родители — выдающиеся учёные, основатели «Технологий Чэн», чьи изобретения буквально перевернули жизнь на континенте Нови. Стоило кому-то из этой семьи показаться на публике, как их тут же окружала толпа восторженных почитателей.

Тан Син принялся выкладывать на сковороду нарезанные соломкой овощи и негромко буркнул:

— Ничего я не злился. И не кричал на тебя. Просто... не нужно меня трогать. Не люблю я этого.

Перед этим хмурым, колючим, но покладистым юношей, который сейчас усердно готовил для него ужин и тихо бормотал оправдания, Чэн Цзю был совершенно безоружен. Всякий раз при виде Тан Сина в нём просыпалось непреодолимое желание дразнить его и испытывать на прочность.

Он подался вперёд, оперевшись ладонями в кухонную столешницу по обе стороны от Тан Сина и практически зажав его в тиски своего тела.

— Ноги подкосились, вот я и опёрся на тебя немного. Неужели ты будешь сердиться на брата из-за такой мелочи?

«Ври больше, сказочник», — мысленно фыркнул Тан Син, но вслух ничего не сказал, сосредоточенно помешивая овощи на сковороде.

Чэн Цзю был заметно выше, и его близость порождала странное, давящее напряжение, от которого становилось не по себе. А может, всё дело было в разбушевавшемся сердце, которое вдруг забилось в каком-то безумном, неровном ритме?

— Эх, в детстве ты был куда милее, — с притворной тоской вздохнул Чэн Цзю. — Ходил за мной хвостиком, из рук не выпускал, вечно просился на ручки, стоило нам выйти на прогулку.

Тан Син мгновенно покраснел.

— Я уже вырос! Хватит попрекать меня тем, что было сто лет назад! Сил моих нет... Иди в гостиную и жди там, ты только мешаешь под руку!

«До чего же он хорошенький».

Стоило сократить дистанцию совсем немного, как юноша залился краской. Неужели их Сяо

Син-эр всегда был таким трогательным?

Чэн Цзю даже не подумал сдвинуться с места. Опустив взгляд, он жадно разглядывал покрасневшее лицо своего омеги. В таком положении, нависая над Тан Сином и удерживая его у плиты, он отчётливо улавливал тонкий шлейф освежающего геля для душа и... краем глаза видел открывшуюся в вырезе воротника белоснежную кожу. Пожалуй, он впервые подумал, что эта собственническая, даже немного наглая поза имеет свои неоспоримые плюсы.

— Эй, ты меня слышишь? — нетерпеливо прикрикнул Тан Син. На этот раз у него запылали даже кончики ушей.

— Сяо Син-эр совсем большой стал, — Чэн Цзю заговорщически сощурился, — даже «братом» меня больше назвать не хочет?

— Да ты просто издеваешься! — Тан Син резко развернулся, глядя на него с неподдельным гневом.

— Ну вот, хотел помочь, а меня ещё и прогоняют, — со вздохом протянул Чэн Цзю, хотя не мог сдержать улыбки.

Тук-тук.

Опять этот предательский стук!

Тан Син прижал ладонь к груди, чувствуя, как лицо заливает жар. Глаза Чэн Цзю... боже, они были непозволительно, возмутительно красивыми. Юноша растерялся, не зная, куда деться от смущения, которое быстро переросло в ярость.

Но прежде чем Тан Син успел взорваться, Чэн Цзю послушно отстранился и отступил к самому порогу кухни.

— Поторопись, а то твой названный брат уже умирает с голоду. Жду не дождусь твоего кулинарного шедевра.

«Невыносимый тип!» — в сердцах подумал Тан Син.

Тан Син расставил на столе тарелки. Почти все блюда, которые он приготовил, были любимыми лакомствами Чэн Цзю. Когда с сервировкой было покончено, мужчины сели друг напротив друга.

Заметив, что Тан Син сидит насупившись и смущённо прячет взгляд, Чэн Цзю бережно подцепил палочками сочное ребрышко и положил в его пиалу.

— Спасибо, — едва слышно пробурчал тот.

— На здоровье, — улыбнулся Чэн Цзю. — Приятно видеть, как наш Сяо Син-эр заботится обо мне. Всё приготовил в точности так, как я люблю.

— Ещё чего! — Тан Син вспыхнул ещё сильнее и попытался напустить на себя равнодушный вид. — Я готовил то, что хотелось мне самому. Не строй иллюзий.

— Ну конечно, конечно, исключительно для себя, — покладисто согласился Чэн Цзю.

«Упрямый врунишка». Но от этого он нравился ему только сильнее. На душе у Чэн Цзю было удивительно тепло.

Увы, идиллия длилась недолго. В самый разгар ужина у Чэн Цзю зазвонил телефон. На связи была его агент, Лю Хань:

— Девятый господин, тут звонила Дженни. Заявила, что если вы сегодня же с ней не встретитесь, она сольет в сеть вчерашние снимки у отеля.

Чэн Цзю невольно бросил быстрый взгляд на Тан Сина. В комнате стояла мёртвая тишина, и слова агента, отчётливо доносившиеся из динамика, прозвучали как гром среди ясного неба. Тан Син расслышал всё до последнего слога. Юноша медленно поднял голову. Он посмотрел с ледяным, безгловым презрением.

Чэн Цзю мгновенно вскипел.

После того как Тан Син повзрослел, они почти перестали видеться. Ладно Тан Линь бдел над ним как коршун, так ведь и сам Тан Син, когда-то не отходивший от него ни на шаг, теперь всячески избегал встреч и холодно отстранялся! Только-только показалось, что лёд тронулся, Чэн Цзю даже напросился на домашний обед — и тут на тебе! Он ведь пальцем не пошевелил, а на него уже смотрят как на прокажённого.

— Передай ей, — ледяным тоном оборвал её Чэн Цзю, — что мы расстались по-хорошему. Если ей нужны ресурсы, она их получит. Но если эта девица продолжит шантаж, её карьера на этом закончится.

— Поняла, Девятый господин.

После короткого гудка Чэн Цзю небрежно отложил телефон, вернулся к тарелке и как бы

между прочим бросил:

— Не бери в голову. Очередная особа, решившая выторговать себе тёплое местечко.

— Брат Чэн Цзю, — Тан Син медленно положил палочки на стол, — ты обо всех своих пассиях отзываешься с таким пренебрежением?

— То есть? — Чэн Цзю опешил, но тут же снисходительно усмехнулся. — Малыш, ты просто не понимаешь, как устроен этот мир. У нас взаимовыгодный обмен. Мне нужно удовлетворить естественные потребности, им — получить деньги или продвижение по службе. Я никого не сужу, просто констатирую факты.

— А как же Линь Лин? — Тан Син демонстративно отвернулся, не желая встречаться с ним взглядом. — В тот вечер на банкете, когда я случайно выпил алкоголь, ты притащил меня к себе. Но ведь Линь Лин тоже был там. И вы не особо-то прятались, я всё видел. Ему ты тоже отсыпал «ресурсов»?

— Разумеется, нет, — Чэн Цзю подался вперёд и попытался ласково погладить Тан Сина по макушке, но тот резко увернулся. Он лишь вздохнул и убрал руку. — Я ведь прекрасно знал, что этот негодяй подпоил тебя специально. Стал бы я после этого иметь с ним дело? Ему ещё повезло, что легко отделался. Так вот из-за чего дуется наш Сяо Син-эр? Глупышка, я никогда и никому не позволю тебя обидеть.

«Да ничего ты не понял!» — мысленно закричал Тан Син. Список его претензий был бесконечным, но озвучивать его не хотелось.

Он резко поднялся из-за стола:

— Доедай один. У меня пропал аппетит.

— Ну куда же ты? — Чэн Цзю поспешно отложил палочки, вскочил на ноги и перехватил его за запястье. — Сяо Син-эр, ну прекрати капризничать. Садись обратно. Тебе расти ещё надо, а ты клюнул два раза и уже сыт. Так не пойдёт.

— Я же сказал, что наелся, — глухо отозвался Тан Син, пытаясь высвободить руку.

— Ладно, ладно. Если тебе неприятны такие разговоры, я больше не буду заводить их при тебе, — Чэн Цзю мягко обхватил его лицо ладонями, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза. — Но зачем себя-то голодом морить? Ну же, поешь ради меня. Если тебя так задело, что этот подлец Линь Лин вышел сухим из воды, я прямо сейчас могу набрать руководству его агентства и устроить ему весёлую жизнь. Хочешь?

«Да при чём тут вообще Линь Лин!»

Тан Син в ярости прикусил губу. Горькая правда жгла язык, но вымолвить её вслух было выше его сил. Он просто до глубины души презирал то, с каким циничным равнодушием Чэн Цзю относился к физической близости. Ведь это таинство, которое должно принадлежать только любимому человеку! Но почему для этого мужчины всё сводилось лишь к банальной животной похоти?

— Пусти! — Тан Син со всей силы шлёпнул его по руке и с вызовом уставился в наглое лицо. — Ты ведь сам на том шоу с пафосом вещал: «Какое отличие между Альфой, не умеющим сдерживать свои феромоны, и диким зверем?» Помнишь свои слова?

Чэн Цзю несколько секунд переваривал услышанное, силясь уловить логику. Наконец до него дошло, куда клонит юноша.

— Глупыш, — с мягкой улыбкой возразил он, — умение держать под контролем свои феромоны — это одно, а нормальные плотские радости — совсем другое. Я никогда не поддаюсь чужому влиянию, да и сам во время близости не подавляю омег своим запахом. У меня не бывает периода течки, я никого не связываю метками. Это просто обоюдное удовольствие, чистый восторг без лишних обязательств. Можешь поинтересоваться у любого из моих бывших партнёров — ушёл ли хоть кто-то из них неудовлетворённым?

Чэн Цзю хмыкнул, явно гордясь своими успехами.

— Каждый получил ровно то, на что рассчитывал. И перед тем как лечь в постель, я всегда честно предупреждал: это сделка, никаких чувств. Так что, Сяо Син-эр, я никого не обманывал и ничьим сердцем не играл.

Тан Син так и не запомнил, как именно выставил Чэн Цзю за дверь. Циничные откровения мужчины оставили в душе такой липкий, гадкий осадок, что его физически подташнивало.

В памяти лишь смутно всплывали обрывки собственной гневной тирады. Похоже, он сорвался на крик и наговорил кучу резкостей. Но хуже всего было то, что в воздухе квартиры до сих пор витал тот самый холодный, властный аромат, заполнивший собой каждую щель. Тан Син отчаянно противился этой удушающей силе, но его измученное тело на подсознательном уровне готово было подчиниться её зову.

Помнил он лишь то, как сильные руки осторожно уложили его на диван, укрыли пледом, а после послышался тихий щелчок замка — Чэн Цзю ушёл.

Откуда взялся этот ледяной, морозный запах? Юноша терялся в догадках. Из-за врождённой задержки развития он страдал от нарушения восприятия феромонов. Этот недуг так и не удалось вылечить: Тан Син не имел ни малейшего представления о том, как пахнет сам, и никогда в жизни не улавливал чужих ароматов.

«Наверное, эта прохлада — вовсе не феромоны Чэн Цзю... Да и по описаниям брата его аромат звучит совершенно иначе».

Почти час ушёл на то, чтобы прийти в себя. Наконец Тан Син поднялся с дивана и с абсолютно каменным лицом принялся убирать со стола остывшие блюда. И ради чего он столько возился у плиты? Столько продуктов перевёл впустую.

«"Никого не обманывал, ничьими чувствами не играл..." — передразнил он мысленно. — Ну конечно! Пусть бы его бывшие хоть слово сказали против! Да только кто посмеет открыть рот, когда тебя давит авторитет могущественного клана? С удовольствием бы послушал, что говорят о великом актёре Чэн Цзю те, кого он просто вышвырнул из своей жизни!»

Постоянного партнёра нет, тащит в постель первую встречную симпатичную омегу, а наутро откупается чеком с кучей нулей. Разве это не подлость?

Всё-таки зря он согласился на эту роль. Держаться надо было от Чэн Цзю подальше, целее были бы нервы!

Но стоило ему укрепиться в этой мысли, как телефон в его руке ожил и затрещал входящим вызовом. На экране светилось имя виновника его душевных терзаний.

<http://bllate.org/book/19798/2039291>